Стеффи Моне

Хозяин Троп

18+

Стеффи Моне
Хозяин Троп

https://litres.ru/74758593
SelfPub; 2026

Аннотация

Залесье. Здесь есть правила.

Не оглядывайся. Не называй имя вслух. Не стой на перекрёстке.

Девочки вернулись. Был хлеб. Было счастье. Потом — три смерти. И диктофон с голосом мёртвой женщины. («Сети нет. Её давно нет. А она всё ещё говорит.»).

«Мы молчим. И этим кормим его.»

Скоро.

«Не называй имя вслух. В Залесье это не суеверие. Это инструкция.»

Стеффи Моне
Хозяин Троп

Мотор хрюкнул и заглох.

Ноябрь в посёлке Залесье встречал гостью плотным туманом, который радушно обнимал каждую улицу и тропинку, рождая невероятные картины и страшные силуэты. Волосы тумана не просто стелились по земле — они будто знали, где именно им нужно лечь, чтобы скрыть тропу к старой часовне, спрятать поворот к заброшенной лесопилке, сделать так, чтобы даже старый маяк показывал «нет сигнала» своим пустым, потухшим глазом.

Арина считала этот посёлок личным оскорблением: она привыкла доверять точным данным, а не ощущениям и интуиции. Здесь, в этом глухом и заброшенном месте, давно никто не жил, и бесконечное одиночество легло на растопыренные окна, разрушенные косяки, облупившуюся краску старых домиков.

Арина была не частным детективом и не следователем — она была «корректором ошибок». Её нанимали, когда алгоритмы начинали выдавать абсурд: страховые отказывали по несуществующим статьям, камеры не видели очевидного, а умные дома вдруг переставали узнавать хозяев. Официально она работала в техподдержке одной крупной экосистемы, но её настоящая специализация была в другом: находить, где

логика ломается, и собирать из осколков фактов правдоподобную версию.

В этот раз версия рассыпалась ещё до того, как машина заглохла, ведь здесь было зарыто и её прошлое.

Проклятое Залесье! С девяностых ничего не изменилось: всё так же беззубые заборы вгрызались в маленькие огородики, поросшие лопухами; всё так же тайны прятались в огромных зарослях борщевика; а главное — эти чёрные силуэты, что так и старались забраться под одежду старыми страхами.

Арина вздохнула, отгоняя прошлое, и посмотрела в рабочий планшетник.

Заказ пришёл через внутренний чат — не от клиента, а от самого ИИ;ассистента компании. Это было странно: ассистенты не инициируют диалоги. Сообщение выглядело как обычный запрос: «Проверьте инцидент в Залесье, координаты 59.xx, xx.xx. Есть расхождение данных». Но в конце стояла приписка, которую ИИ никогда не делал: «Информация засекречена, требует неразглашения».

Арина не любила мистику. Она любила цифры: время срабатывания датчика, угол обзора камеры, погрешность GPS. Но когда она подъехала к дому на окраине, цифры начали путаться, сбиваться и врать. На её планшете дом значился как «снесён в 2018», хотя перед ней стоял двухэтажный особняк с резными наличниками и зелёной краской. В базе данных он числился как участок под застройку, а на кадастровой карте — как лес.

Дверь скрипнула и открылась сама.

На пороге стояла пожилая женщина в платке, который Арина сразу узнала: такие носили в Залесье ещё в девяностые, но сейчас их не найти даже в музеях. Кажется, даже запах прошлого стал бить ей в нос.

Арина поморщилась, пытаясь разглядеть хозяйку.

— Ты та, что ищет правду, — сказала женщина без приветствия. — Только правда тут странная, и не одна. Их тут столько, сколько троп в лесу. И каждая ведёт туда, где тебе не хочется быть.

Арина устала. Холодное дыхание этого края сгибало её плечи. Она хотела ответить профессионально: «Я здесь по поводу технического сбоя», но слова застряли, сморщились и не желали вылезать из горла. В этот момент её планшет пискнул и показал уведомление: «Доступ к данным заблокирован администратором». Арина кхыкнула и уставилась на запись. Администратор — это она сама.

Кажется, придётся задержаться в этом месте…

Женщина отступила, пропуская Арину внутрь. В прихожей пахло ладаном и старой бумагой. На стене висели истлевшие от времени фотографии, на которых люди смотрели не в камеру, а куда;то за плечо фотографа — будто видели что;то, чего не должен был видеть никто. Словно фотографировали уже посмертно, и трупы пытались вглядеться в живой мир мёртвыми глазами.

— Мой внук пропал, — тихо сказала женщина, закрывая

дверь и показывая его фото. — Ушёл в лес три дня назад. Все говорят, что он просто сбежал. А я знаю: лес его не отпускает. Тут раньше поклонялись Хозяину Троп. Он любит, когда ему оставляют следы. А теперь тут ставят вышки и прокладывают оптоволокно. Говорят, прогресс. А я говорю — не любит он этого.

— Внук? — спросила Арина.

— Нет, хозяин Залесья, — таинственно шепчет старушка, потирая мозолистые руки о рваный фартук.

Арина кивнула, делая вид, что всё под контролем. Но внутри у неё что;то дрогнуло — снова отбросило в детство, в прошлое, которое уже не вернуть, и, слава богу. Не от страха она боялась возвращения, хотя там было что бояться, а от узнавания старых плесневелых побасенок. В детстве бабушка рассказывала ей похожие истории про «того, кто ходит между тропами». Арина тогда смеялась, а теперь стояла в доме, которого не существовало в базах данных, и слушала женщину, которая говорила о древнем духе так, будто он был соседом, и почему;то верила.

Она достала диктофон — старый, механический, без подключения к сети.

— Расскажите всё с самого начала, — сказала Арина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Время, место, что он говорил перед уходом.

Пока женщина говорила, Арина краем глаза заметила на столе стопку бумаг. Сверху лежал лист газеты со старыми

статьями, ужасными фото и показаниями местных жителей… Пришлось вскрыть мессенджер — тот самый, который закрыли два года назад. В диалоге были только две фразы: «Я нашёл тропу» и «Не иди за мной». Дата отправки — вчера. Но телефон внука, по данным системы, был выключен с момента исчезновения.

— Так когда же он пропал?

— Да уж месяц назад или два, — потянула память старушка, насупилась и зажгла свечку.

Арина сделала пометку в блокноте, а не в планшете. Потом достала из сумки маленький анализатор сигнала — прибор, который показывал, где сеть «врёт». Ещё бы говорил, когда врут люди, но, увы. Экран загорелся тревожным красным: в радиусе пятидесяти метров не было ни одной действующей вышки, но сигнал шёл. Причём шёл не от оборудования, а из;за стены — оттуда, где, по плану дома, должна была быть кладовка.

Женщина замолчала и посмотрела на Арину так, будто увидела её впервые.

— А вы кто? — прозвучал её настороженный голос. Кажется, здесь даже память людей даёт сбои.

— Я просто ищу вашего внука, — прошептала Арина загадочно.

Старушку это удовлетворило, и она покачала головой, говоря:

— Ты видишь то, что скрыто. Значит, ты тоже ему инте-

ресна.

— Кому?

— Хозяину Троп. Теперь невест ему больше не приносят, вот и стал он последних жителей изводить. Вот и внука моего забрал…

Арина хотела было возразить, но в этот момент диктофон щёлкнул и начал воспроизводить звук — не тот, что они только что записали, а чей;то чужой голос, низкий и ровный, будто говоривший сквозь ветер: «Ты пришла не за правдой. Ты пришла за искушением. И ты его найдёшь».

Экран анализатора мигнул и погас.

Арина медленно закрыла блокнот. Её мотивация всегда была простой: найти ошибку, исправить, уйти. Но теперь она понимала: эта ошибка не в коде. Она была в самом месте. И, возможно, в ней самой. Потому что она приехала сюда не только из;за странного запроса. Она приехала, потому что много лет назад в этом же лесу пропали она и её младшая сестра. И никто не нашёл ни следа.

Теперь следы начали находить её.

Беззубая старушка странно улыбнулась, растянув тонкие губы-щёлочки. Её звали Марфа. Она пристально посмотрела в тёмный угол старого дома. Казалось, чёрный туман пробрался и сюда, желая подслушать разговоры людей, чтобы потом обо всём доложить своему хозяину Тропу.

Старушка, всё ещё глупо улыбаясь, взяла со стола связку старых железных ключей, выбрала один — длинный, с зуб-

цами, похожими на следы когтей, — и кивнула в сторону коридора:

— Кладовка. Там ты что-то слышала.

Арина не двинулась. Её пальцы крепче сжали блокнот, а костяшки побледнели, будто могли служить щитом от странных сигналов. Эксперт привыкла, что необъяснимое — это просто ещё не найденная причина: сбой сервера, ошибка датчика, подмена данных. Только здесь не было сервера. Здесь был заброшенный дом, которого не существовало в базах, и дребезжащий голос, говоривший про искупление.

— Я не пойду туда, пока не получу данные, — голос прозвучал твёрже, чем она хотела показаться. — Где камеры? Где лог событий?

Марфа усмехнулась, и её обвисшие груди задрожали.

— Ты, дочка, не спеши. Войти-то быстро, а выйти… — сказала она скорее с усталостью человека, который слишком долго пытался объяснить очевидное тем, кто привык верить только цифрам, и продолжила: — Тут нет камер. Тут есть тропы. И Хозяин их видит. Он не смотрит через стекло. Он смотрит через души людей на их след.

Диктофон в кармане Арины снова щёлкнул. На этот раз не воспроизведение — это была запись. Тихий ровный шёпот, будто кто-то стоял прямо за её плечом, хотя в комнате были только она и Марфа: «Ты оставила кровавый след. Он чует твою тропу».

Арина дёрнулась, выхватила диктофон и уставилась на

экран. Запись шла, но микрофон не фиксировал ни дыхания, ни шорохов — только пустой голос.

— Это невозможно, — прошептала она скорее себе, чем Марфе. — Устройство автономное. Нет сети. Нет передачи.

— А кто сказал, что это передача? — спокойно спросила старушка. — Может, это сам Хозяин решил заговорить с тобой… или мой бедный внучок.

Она слегка всхлипнула и дрожащими пальцами открыла дверь кладовки. Странный зловонный запах ударил в нос, словно тысяча трупов ждали гостей, запасая единственное, что у них осталось, — тление. Внутри было темно, но не просто темно: туман не просто клубился, а выстраивался в лабиринты непроветренных комнат или странных нор. Это была густая, липкая темнота, которая не хотела расступаться даже перед лучом фонарика. Арина посветила — и луч упёрся в стену, будто темнота имела плотность упругой груди Хозяина Троп.

Снова вспомнились рассказы из детства, когда сестра Нюрка шептала под одеялом в потное маленькое ухо: «Это врут, что он страшный. Хозяин Троп, — это она произнесла особенно тихо, — очень красивый и высокий, как богатырь леса. Да только все его боятся, потому что он видит души людей и сжигает тех, кто дрянной и смрадный внутри…»

Вдруг в глубине кладовки что-то шевельнулось. Не тень. Не движение воздуха. Что-то, что перестроилось.

И тут Арина поняла: кладовка не вела в подсобку. Она

вела в тот ужасный лес из её детства, где были найдены кровавые трупы детей и её сестра — в старом разорванном платье, с ногами в багровых подтёках и разорванным на части лицом, таким, от которого сразу вырвало. С тех самых пор Арина боялась детей, мужей и семьи вообще. Даже люди для неё казались опасными. Только работа дарила душевный покой, и тяжесть в желудке отступала. А теперь снова этот проклятый лес тянул к ней свои лапы…

Прямо из пола, из-под половиц, выступали корни-колени, сплетаясь в неровные ступени с цветами-ноготочками, что росли лишь на могилках заброшенного кладбища. Пахло сырой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — старым, звериным, как запах волчьей норы, но таким знакомым. Снова затошнило, живот свело, и жидкие рвотные массы утреннего кофе выплеснулись наружу, словно пометив странное место — конечно, не крошками, как в детской сказке, но всё же…

— Раньше тут был ход к капищу, — старушечий голос Марфы разорвал тишину. — Пока не поставили вышки. Теперь тропы искривились, запутались, но не исчезли. Они просто стали… другими.

Арина попятилась, но её нога наткнулась на что-то твёрдое. Она посмотрела вниз: на полу лежал маленький, грубо вырезанный из дерева идол в старом ботинке — безликая фигурка со скрюченными руками, в которых были зажаты тонкие полоски ленточек. Нет, это же длинные волосы.

Арина судорожно наклонилась, всматриваясь в знаки, ко-

торые она точно видела раньше: тогда, в детстве, на лбах изувеченных девочек, на веточках деревьев, что были всунуты им в холодные пальцы. Трупики лежали, сложенные в виде кострища, там, у опушки, куда им с сестрой запрещали ходить.

Её пальцы сами потянулись к фигурке, хотя разум, интуиция, если хотите, кричали: «Не трогай!»

— Стой! — резко вскрикнула Марфа, но было уже поздно.

Как только пальцы коснулись дерева, в голове у Арины вспыхнули искры, и чужой голос — не шёпот из диктофона, а целый поток, будто кто-то открыл кран ветров внутри её черепа, — стал отсчитывать секунды. Это были непонятные слова, скорее ощущения: холод, голод, ожидание. И ещё — запах ладана, смешанный с кровью, как на похоронах сестры…

Перед глазами мелькали обрывки: она, маленькая, бежит по лесу, за ней — сестра, смеётся, спотыкается, а впереди — тёмная фигура в плаще из мха, которая не идёт, а прорастает из земли. И голос бабушки, хриплый от страха: «Не оглядывайся. Если оглянешься — он узнает твоё имя».

Арина закричала и отшвырнула фигурку. Та упала и раскололась надвое.

В тот же миг в кладовке что-то щёлкнуло. Корни, тянувшиеся из пола, вдруг распрямились, превращаясь в тонкие жилистые ветви, и потянулись к ней. Этого просто не может

быть. Этот ужас уже закончился много лет назад. Тогда всё нашли, сожгли, и убийства не повторялись! Это просто ужасный кошмар.

Марфа схватила Арину за руку и рванула назад, захлопывая дверь. Заперла на тяжёлый засов.

— Он почувствовал, что ты вспомнила, — выдохнула она. — Хозяин Троп питается памятью. Чем ярче воспоминание — тем крепче след. А ты пришла сюда не просто так. Ты не из города. Ты из этих мест.

Арина тяжело дышала, сердце внутри так и подпрыгивало. Она прижалась спиной к стене, пытаясь унять дрожь во всём теле. Её лицо исказилось не от страха перед ветвями, а от того, как легко вернулись воспоминания, которые она столько лет пыталась стереть, загнать в подвал своего разума, уничтожить. Но не смогла, потому что не смела…

— Я уехала, когда мне было шестнадцать, — сказала она, почти выплёвывая слова. — Сестру нашли… не нашли. Просто исчезла. А я уехала. Сказала себе, что это просто лес, просто болото, просто… совпадение. И я поверила. Пока не начала видеть сбои. Пока не начала находить места, которых нет на картах. Места, которые помнят меня.

Старуха кивнула, будто всё это она знала заранее, и её длинный скрюченный нос почти уткнулся в моё ухо:

— Лес не забывает. И Хозяин Троп не прощает тех, кто ушёл и сделал вид, что ничего не было. Ты думала, что бежишь от мифа. А бежала от своей вины. И вот ты вернулась.

Не за моим внуком. А чтобы узнать: может, если найдёшь одного, лес отпустит другого.

Её шёпот разбивал мои последние отчаянные надежды на спасение, бегство из этого кошмара…

За дверью кладовки что-то царапало дерево. Медленно, ритмично, будто проверяло прочность засова.

Арина подняла глаза на Марфу:

— Что он хочет?

— Следа, — просто ответила женщина. — Он хочет, чтобы ты снова пошла по тропе. Чтобы оставила отпечаток, который он сможет тянуть, как нитку. И чем глубже ты пойдёшь, тем больше он будет знать о тебе. О твоей сестре. О том, почему она не умерла, а исчезла, и душа её всё ещё томится в этом лесу, петляя по тропам и не зная покоя…

Арина сжала кулаки. Её прежняя логика — «найти ошибку, исправить, уйти» — рассыпалась. Теперь она понимала: ошибка была не в коде. Ошибка была в том, что она думала, будто можно убежать от места, которое помнит тебя лучше, чем ты сам.

Она подошла к двери и приложила ладонь к дереву. Царапанье за ней на мгновение затихло, будто прислушалось к решению сердца беглянки.

— Тогда я пойду, — сказала Арина, и в её голосе не было ни храбрости, ни спокойствия — только холодная решимость человека, который наконец перестал прятаться от правды. — Но не потому, что он зовёт. А потому, что я долж-

на узнать, куда вела та тропа. И почему сестра, что любила его больше жизни, так и не вернулась…

Старуха молча протянула ей старый фонарь — тот, что не работал от батареек, а заправлялся керосином и моргал, дымился и пыхтел от каждого ветерка, словно жил своей жизнью. Пламя вспыхнуло жёлтым неровным светом, и на стене задрожали тени, которые двигались не в такт с фонарём, а в направлении леса.

— Держи огонь близко, — шепнула Марфа. — Огонь — это тоже след. Только другой. Тот, что Хозяин не любит.

Арина кивнула. Повернула ключ в замке. И шагнула туда, где кончался дом и начиналась дорога в лес, который помнил её имя, а она — его.

Всё только начиналось…

Арина шагнула вперёд, и свет фонаря на мгновение завис в темноте, будто лес вдохнул его и забыл выдохнуть. Когда пламя ночь выплюнула снова, тень была уже не позади неё, а внутри круга света — и смотрела на Арину её собственными глазами, только зрачки у той тени были не человечьи: вытянутые, как у зверя, и в них клубилась сырая тьма, будто там, за радужкой, прятался сам лес.

Она не закричала и не сдалась. Не потому что перестала бояться, а потому что страх теперь стал частью её пути: холодного, тяжёлого, как камень в кармане или возвращение домой по рельсам, где каждый стык отдаётся в висках. Она знала — если остановится, лес примет это за согласие, а Хо-

зяин троп увидит имя своей невесты. А она не собиралась соглашаться ни на что, пока не узнает, куда исчезла её сестра.

Тропа извивалась, проваливалась, вела вниз, к ручью, который тёк не по уклону земли, а будто по чьей-то воле — вспять, пузырясь и шелестя, точно вода пыталась выговорить слово, застрявшее в горле. Арина прислушалась: казалось, что он пересказывал чужие слова, вот только невозможно было понять чьи — будто сквозь поток пробивался слабый радиошум, обрывки фраз на незнакомом языке. Вода здесь была не просто мокрой и чёрной — она была памятью времён, что впитала в себя кровь и слёзы. В её ряби мелькали отражения лиц прошлого, которых уже не могло быть: силуэт девочки в старом пальто, бабушка, стоящая на коленях у камня, мужчина в куртке железнодорожника, который что-то вбивал в землю — это были кресты. Могильные кресты тех девочек, и тут же память растворялась, как дым, оставляя на поверхности маслянистую плёнку, пахнущую железом и мокрым мхом.

Арина присела, протянула руку к воде, но не коснулась — в ней самой было достаточно боли далёкого детства. Её пальцы замерли в миллиметре от поверхности, которая заклокотала, заелозила, желая считать новую гостью. В этот момент тень прошептала голосом сестры — не звучным, а надтреснутым, как старая плёнка:

— Не трогай. Он слышит через воду.

Арина отдёрнула руку. Её взгляд метнулся к межевому

камню, где на мху вспыхнуло имя сестры — не высеченное, а будто проросшее из камня, как болотный гриб, светящийся в темноте. Рядом с именем были насечки: не просто царапины, а схема. Тропы. Они сплетались, как корни деревьев, и сходились в одной точке — там, где ручей делал резкий поворот и уходил под землю, в старую штольню, о которой в Залесье говорили шёпотом: «Туда не ходят. Там тропы сходятся в узел». Дед когда-то работал там, но вернулся с разбитым сердцем. Он никогда не рассказывал, что увидел в этой сумеречной зоне, но только жизнь его разделилась на «до» и «после», и это «после» притягивало его к земле, заставляя тело через каждые несколько шагов привыкать к тяжести, а потом она совсем втянула его в свои объятия. Мы не любили об этом вспоминать, ведь жить стало слишком больно.

Помню дрожащие руки бабушки, что бросала последний комок земли в гроб деда и причитала:

«Зачем Хозяин Троп забрал моего мужа, он не был духом, как Ты, что не знает жалости и пощады. Зачем скрываешься под каждым камнем в деревне и стягиваешь души людей в свой узел?»

Теперь Арина понимала: Хозяин Троп был самим узлом — местом, где память становится силой. И сила эта держалась на трёх вещах: на следах, на эхе невысказанных слов и на плате, которую лес брал за каждый шаг. Что ей придётся отдать: капли пота, струившиеся холодными дорожками по спине, забытые имена тех девочек с разорванными лицами,

или вечный сон, который больше не приснится? Но самое страшное — он брал вину. Ту самую, которую Арина столько лет носила в себе, как тяжёлый ключ, который никак не подходил ни к одной двери. А сейчас эта дверь отворилась сама, и ключ вдруг начал греметь, царапая металл изнутри.

Фонарь дрогнул, и в его свете Арина увидела то, что не хотела видеть: на земле, у её ног, отпечатались не только её следы. Рядом с ними — маленькие, детские, с характерной ямкой на пятке: сестра всегда чуть подворачивала левый ботинок, словно подхрамывая. И эти следы вели не к штольне, а в сторону — туда, где деревья стояли плотнее, будто нарочно превращаясь в непроходимую чащу, где спит её принцесса столько долгих лет, и она всё ещё прекрасна, как раньше, добра и чиста, и нет тех кровавых разводов по всему телу.

Тень снова шевельнулась. На этот раз она шептала шелестом листьев, дрожала в свете луны и показывала скрытую тропу. Чёрный вытянутый палец, скользкий и зыбкий, указывал на тропу, которая уходила вбок, к старой часовне — той самой, которую снесли ещё в девяностые. Но сейчас она стояла, ожидая своей участи, словно вернувшись из ада. Не как здание из брёвен и досок, а как напоминание о смерти: полупрозрачные стены, крыша, которая то появлялась, то исчезала, будто её рисовали и стирали одним движением, оставляя после себя запах гари и старой извести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.